

Глава 24

Когда Ян Ло подошёл ближе, он обнаружил, что Сюн Фэн не только не испустил дух, но и выглядел гораздо бодрее, чем прежде. Завидев жреца, медведь даже поприветствовал его здоровой рукой:

— Господин жрец.

Ян Ло замер, глядя, как Ци Бай вместе с Лан Цзэ и остальными хлопочут над рукой раненого. Подойдя вплотную, он увидел, что юноша привязывает к предплечью Сюн Фэна деревянные дощечки.

— Что это вы делаете? — недоуменно спросил старик.

Ци Бай знал, что жрец стоит рядом, но сейчас он был напряжён куда сильнее самого пациента. Юноша не смел даже обернуться, чтобы поздороваться. Когда мгновение назад Лан Цзэ резко потянул руку медведя, Ци Баю послышался сухой хруст, от которого невольно заныли зубы.

— Посмотри, так сойдёт? — невозмутимо уточнил Лан Цзэ.

Ци Бай в очередной раз убедился, что выбрал идеального помощника. Волк совершенно не боялся вида сломанных костей и игнорировал крики боли. Его вид красноречиво говорил: если что-то не так, он готов дёрнуть ещё раз и переделать всё заново.

— Сейчас гляну, сейчас... — Ци Бай принялся осторожно прощупывать место перелома.

Опыта у него не было, но на ощупь казалось, что обломки кости наконец встали на свои места. Он кивнул:

— Порядок. Теперь накладываем шину.

Именно эту сцену и застал Ян Ло: Ци Бай приложил две толстые дощечки к предплечью Сюн Фэна, взял у Шу Линя травяные верёвки и туго затянул их. Закончив, он в третий раз строго наказал медведю не шевелить рукой и немедленно сообщить, если повязка ослабнет или в руке появится странное чувство.

Радость Сюн Фэна трудно было описать словами. Боль утихла, сменившись тупым нытьём, и в душе воина расцвела надежда: он не станет калекой, он поправится!

Ян Ло обошёл раненого кругом, осматривая конструкцию со всех сторон.

— И это всё? — потрясённо пробормотал он. — Его рука что, действительно заживёт?

Ци Бай поспешно покачал головой:

— Пока неясно. Я не уверен, сработает ли это, мы лишь пробуем.

Жрец посмотрел на юношу долгим, испытующим взглядом. Однако Ци Бай вёл себя как обычно, словно и не совершил ничего из ряда вон выходящего, поэтому старику оставалось лишь оставить расспросы. Только тогда он вспомнил о травах, что высыпались на землю, и собрался было вернуться за ними. Но в этом не было нужды: следовавшая за ним Дяо Лань уже всё собрала и аккуратно сложила.

Сюн Фэн, пострадавший сильнее всех, теперь выглядел самым оживлённым. На его фоне Ху Хо, у которого из глаз градом катились слёзы вперемешку с кровью из раны, казался воплощением скорби. Ян Ло не стал его утешать: жрецу полагалось сохранять таинственность, некогда ему было возиться с плачущими воинами.

Не давая себе и минуты отдыха, старик принялся растирать принесённые травы в кашу и накладывать её на раны. После каждой перевязки он возлагал руки на головы раненых и произносил слова благословения. Зверюлюды истово закрывали глаза, моля Бога Зверей о скором исцелении.

Когда с лечением было покончено, день уже клонился к вечеру. Племя Чёрной Горы трудилось с прошлого заката, люди не спали больше тридцати часов. Однако, несмотря на красные от лопнувших сосудов глаза, никто не чувствовал усталости. Ян Ло распорядился, чтобы дети и тяжелораненые вернулись в пещеру, а остальным предстояло заняться делом, которого все ждали с замиранием сердца.

Нужно было перетащить добычу в лагерь.

Оглядывая окрестности, Ци Бай видел мясо повсюду. После тяжёлого дня один только вид этих туш вызывал у него зверский аппетит. Пока лечили раненых, Хоу Янь приказал собрать всех убитых кабанов в одну кучу у глубокой ямы — туда притащили даже тех двоих, которых Ци Бай и Шу Линь свалили верёвками.

Юноша прикинул счёт: двенадцать кабанов! Невероятная удача. Шесть из них были мертвы — либо раздавлены в яме, либо загрызены воинами в пылу битвы. Остальные шесть ещё дышали, обездвиженные травяными путами.

Сян Юй принял облик гигантского слона и, подцепив самую крупную тушу, двинулся впереди всех. Остальные разбились на группы и, обвязав вепрей лианами, потащили их к племени. К счастью, верёвок наплели с запасом, и те, что не порвались во время охоты, пришлись как нельзя кстати. Понадобилось четыре захода, чтобы переправить всё мясо.

Гору добычи не стали заносить в пещеру, а сложили на открытой площадке, где обычно мастерили бамбуковые поделки. Хотя разведчики не заметили поблизости крупных хищников, Хоу Янь выставил часовых: запах такого количества крови разносился далеко, и следовало держать ухо востро.

Ян Ло принялся за разделку, едва в лагерь доставили первую тушу. Вскоре в центре площади уже пылали костры, над которыми на вертелах шкворчали огромные куски мяса. Две каменные кастрюли у скалы тоже не простаивали — в отличие от обычных дней, сегодня в них до краёв варилась свинина. Аромат стоял такой, что Ци Бай почувствовал его за версту.

Он вдруг вспомнил про имбирь, принесённый несколько дней назад. Из-за суматохи о нём едва не забыли. Юноша сбегал в пещеру, отыскал корень в хранилище и принёс к котлам.

За готовкой присматривали Ху Сюэ и Шэ Ли. Увидев в руках Ци Бая странный корень с резким запахом, они не решились добавлять его в бульон. Сегодня варили чистую свинину, и женщины не хотели испортить вкус мяса какими-то добавками. Но Ян Ло лишь махнул рукой:

— Пусть делает что хочет.

Получив «добро», Ци Бай осмелел. Он нашёл Шу Линя, который кружил у огня, захлебываясь слюной, и отправил его за диким луком и чесноком. Тот умчался мгновенно: до официального начала трапезы всё равно было нельзя притрагиваться к еде, так что лучше было заняться делом, чем изнывать от голода у костров.

Ци Бай нарезал имбирь ломтиками, лук — крупными перьями и засыпал всё в котёл. Бамбуковым черпаком он тщательно снял всю пену, добываясь чистоты бульона. Затем юноша попросил у жреца несколько крупных костей. Ян Ло нахмурился:

— Мяса вдоволь, зачем тебе эти кости?

— Дедушка жрец, — улыбнулся Ци Бай, — кости не для еды. С ними бульон станет в сто раз вкуснее.

Старик лишь хмыкнул на его «мудрость», но костей не пожалел, выбрав для него увесистую свиную голяшку. Вернувшись к котлу, Ци Бай расколол кость камнем пополам и забросил в варево.

Ху Сюэ и Шэ Ли смотрели на это с недоумением, но вскоре вынуждены были признать: запах из котла стал куда более притягательным. Ци Бай зачерпнул немного бульона, попробовал и добавил щепотку соли. К этому времени в воде не осталось и следа крови, на поверхности плавали прозрачные янтарные капли жира, а мясо на кости стало таким нежным, что само отходило от сустава. Белоснежный костный мозг на срезе выглядел невероятно аппетитно. Малыши, окружившие котёл, едва сдерживали слюну, но никто не смел пробовать, пока вождь и жрец не дадут знак.

Наконец Ян Ло вышел в центр площади и начал ритуальный танец, запев песню урожая. В руках он держал посох из медвежьей кости, на голове красовались перья горного феникса, а грудь украшали ожерелья из самоцветов и клыков. В свете костров он казался истинным посредником между миром людей и богами.

Ци Бай и поварихи побросали черпаки и поспешили к кострам. Все пятьдесят четыре члена племени Чёрной Горы встали в круг, двигаясь в ритме танца вокруг великого пламени. Блики огня плясали на их радостных лицах. Ци Бай поначалу пытался вспомнить движения из памяти Мао Бая, но быстро бросил эту затею: он просто поддался мелодичному напеву жреца, позволяя телу двигаться свободно. Это был праздник жизни. Все пятьдесят четыре человека вернулись живыми — и это было важнее любой добычи.

В этот вечер каждому было позволено есть столько, сколько влезет. Туши весом в тонну хватало, чтобы накормить всех до отвала. У костра Ци Бая собралось восемь человек: Лан Цзэ, Шу Линь, Сунь Цин, Сунь Юань, Лу Го, Лу Ся и Чжу Я. После истории с изгнанием Сунь Цина их компания стала сплочённой. Чжу Я, конечно, в этот круг не вписывался, но он припелся сам, пользуясь тем, что места не закреплены, и никто не стал его прогонять.

Если бы он сидел тихо, было бы полбеды, но Чжу Я, набивая рот мясом, вдруг залился слезами:

— У-у-у... Как вкусно... Я больше никогда не покину племя!

На самом деле он хотел сказать, что скучает по дому и что в племени Клыкастого Вепря никогда не голодал, но после уроков вождя не смел и заикнуться о прошлом. Сунь Цин терпеть не мог этого никчёмного смутьяна, который был как кусок сырого мяса: сколько ни бей, ни ругай — всё без толку. То, что он позволил Чжу Я сидеть рядом, уже было пределом его терпения, так что утешать его никто не собирался. Остальные просто игнорировали его всхлипы, негромко переговариваясь между собой. Сунь Цин лишь закатил глаза, отвернувшись. Чжу Я, поняв, что жалеть его не будут, утер соплю и продолжил вгрызаться в кусок свинины.

Ци Баю было не до чужих драм. Они с Лан Цзэ разделяли одну простую мысль: нужно есть, пока дают. Зная прижимистость Ян Ло, неизвестно было, когда ещё случится такой пир. Над их огнём шкворчал свежий кусок мяса, а в золе пеклись каштаны.

Ци Бай срезал тонкие ломтики своим костяным ножом. Когда становилось слишком жирно, он закусывал чесноком, а жажду утолял наваристым бульоном из бамбукового стакана. Жизнь казалась прекрасной, он чувствовал, что готов осилить ещё пару килограммов.

С костным бульоном вышел забавный случай. Когда варево было готово, выстроилась очередь, но все выбирали куски помясистее. Когда подошёл Ци Бай, две крупные кости всё ещё сиротливо лежали на дне. Он попросил только их и бульон, отказавшись от мяса. Ян Ло, раздававший еду, едва не задохнулся от возмущения. Жрец искренне считал, что Ци Бай временами удивительно сообразителен, а временами — непроходимо глуп. Остальные тоже смотрели на него как на дурачка, когда он уносил две кости, завернув их в листья.

Но Ци Бай был на седьмом небе от счастья. Он с детства обожал костный мозг, к тому же на голяшках оставалось немало мякоти, которая после долгого томления была куда вкуснее обычного филе.

Юноша довольно зажмурился. Костёр приятно грел, живот был полон. Он взял палочку и выкатил из углей запечённые каштаны. Их принесли вместе с дикими овощами, и зверолоды не проявили к ним интереса — слишком уж долго их чистить. А Ци Бай набрал целую кучу. Дикие каштаны были мельче окультуренных сортов из его прошлого мира, но вкус у них оказался изумительным.

Для него был особый азарт в том, чтобы разламывать скорлупу: это напоминало лотерею. Иногда попадался обычный плод, иногда — червивый, но если набраться терпения, обязательно находился идеально золотистый каштан. Ци Бай с восторгом разглядывал в свете огня янтарную мякоть и отправлял её в рот. Вкус был нежным, мучнистым и сладким. Юноша смаковал его, не желая проглатывать.

Заметив, что Лан Цзэ весь вечер ест только мясо, Ци Бай выбрал несколько самых крупных каштанов и протянул ему на ладони:

— Попробуй, это очень вкусно.

Лан Цзэ давно наблюдал за его довольным лицом. Он не ожидал, что Ци Бай поделится с ним тем, что ему так нравится. Подумав, что этот азверолод — самое милое существо на свете, волк не стал отказываться. Но он был ещё далёк от насыщения и не собирался тратить время на чистку. Недолго думая, Лан Цзэ смахнул пепел с кожуры и закинул каштан в рот целиком.

Ци Бай не успел и слова сказать, как раздался хруст — волк разгрыз скорлупу и в два счёта проглотил всё вместе.

— Нельзя есть кожуру! — всполошился юноша. — Она же не переварится, ещё поцарапаешь себе всё внутри!

Лан Цзэ уже привык к странным словам Ци Бая, смысла которых не понимал. Он лишь беспечно тряхнул головой:

— Пустяки. Я кости покрепче перегрызаю, не то что эти скорлупки.

Ци Бай даже рассмеялся от возмущения и забрал оставшиеся каштаны назад.

— Ну уж нет! Так ты совсем не почувствуешь вкуса, только продукт переводишь. Больше не дам.

Лан Цзэ не стал протестовать, позволив ему забрать угощение. Однако ощущение от

прикосновения пальцев Ци Бая к его ладони осталось — мимолётное, но явственное. Волк замер, чувствуя тепло, оставленное юношей, и медленно сжал кулак, словно пытаясь сохранить его.

Ци Бай ворчал для вида, но сам принялся очищать плоды: один каштан отправлял себе в рот, другой — в бамбуковую чашку Лан Цзэ с бульоном. Каштаны с мясом — классическое сочетание. Когда волк решил допить суп, он наконец распробовал сладкую, разварившуюся мякоть.

Он замер, глядя на плавающие в чашке золотистые кусочки. Обернувшись, он увидел, что Ци Бай уже превратился в маленького снежного барса и, положив голову на большую обглоданную кость, мирно заснул. Даже во сне розовый язычок пятнистого котенка облизывал мордочку, а передние лапки подергивались — должно быть, ему снилось что-то очень вкусное.

Лан Цзэ медленно доел каштаны. Это была самая сладкая еда в его жизни. Он чувствовал, что никогда не забудет этот вкус.

Он долго сидел неподвижно, глядя на спящего барсика. В отсветах костра взгляд волка то затухал, то вспыхивал вновь, становясь холодным и решительным. В нём появилось нечто новое — непоколебимая, почти яростная воля защитить этот хрупкий мир, которую он сам ещё до конца не осознал.

<http://bllate.org/book/15816/1428918>